

Глава 16. Как заманить на пиратский корабль

Нин Сянлан по одному лишь голосу сразу понял, что это Фу Мянью.

Мальчик выглядел куда более открытым и жизнерадостным, чем при первой встрече. Оглянувшись, Сянлан увидел, как тот со всех ног, сияя от радости, бежит к нему. Он перевёл взгляд на Фу Чжэнтяня и с удивлением заметил рядом с ним пожилого человека. Ба, да это же старейшина Тан Юньяо! Тот самый, о ком он вспоминал буквально сегодня утром.

С трудом подавив охватившее его волнение, Нин Сянлан спросил:

— А вы как здесь оказались?

Но прежде чем Фу Мянью успел открыть рот, вперёд выступил Нин Аньго, чтобы поприветствовать гостя:

— Старейшина Тан!

— О, Аньго! — улыбнулся Тан Юньяо, заметив его. — И ты здесь?

— Да вот, зашёл поблагодарить, — ответил Нин Аньго. — Мой сорванец вчера весь вечер и всю ночь провёл у старейшины Чжу, так почтенному старцу под конец пришлось даже провожатого нанимать, чтобы вернуть беглеца домой! К тому же, старейшина Тан, я совсем зашёл в тупик с модернизацией того прибора для экспертизы, чертежи которого вы просили доработать. Вот и решил принести его мастеру — вдруг свежим взглядом укажет на ошибки.

— Ну, тут ты точно по адресу! — рассмеялся Тан Юньяо. — Старейшина Чжу в этих делах — признанный мастер, каких ещё поискать надо!

Одобрительно кивнув Нин Аньго, он прошёл в глубь лавки, где была обустроена небольшая приёмная для гостей, и вежливо поклонился хозяину:

— Почтенный старец Чжу, прошу прощения за беспокойство. Позвольте засвидетельствовать почтение!

Старейшина Чжу, однако, радушия не проявил. Он мгновенно посуровел:

— Дело есть?

Тан Юньяо прекрасно знал крутой нрав мастера и понимал, что его визиту здесь не рады, а потому лишь понимающе и слегка виновато улыбнулся. Но вспомнив о бесценных находках,

недавно поступивших в фонды Северо-Западного музея, он заговорил со всей искренностью, на какую был способен:

— Старейшина Чжу, вы ведь наверняка слышали, что не так давно в одном из северных уездов при раскопках обнаружили древнее поселение?

— Слышал, — коротко бросил старейшина Чжу.

— Так вот, — продолжил Тан Юньяо, — всю найденную там утварь и реликвии официально передали нашему Северо-Западному музею. Увы, часть находок пострадала так сильно, что это буквально парализовало работу исследователей. Да и из уцелевшего — добрых две трети требуют бережной реставрации, выставить их в залах прямо сейчас мы просто не имеем права. Нужно как можно скорее составить план восстановительных работ, подготовить реактивы и инструменты...

Поморщившись от казённого тона гостя, старейшина Чжу досадливо отмахнулся:

— И к чему эта спешка? Они под землей лежали веками, если не тысячелетиями. Потерпят ещё немного, не развалятся.

За те несколько встреч, что у них были, Нин Сянлан уже успел прощупать характер старейшины Чжу. Понимая, что старик терпеть не может витиеватых предисловий, мальчик незаметно встал за его плечом и сделал Тан Юньяо красноречивый жест на языке глухонемых: «Говорите прямо, без обиняков».

Тан Юньяо, когда-то изучавший дактиль, на секунду осёкся, удивлённый тем, что этот карапуз общается жестами, но быстро сориентировался и рубанул напрямую:

— Старейшина Чжу, я пришёл просить вас возглавить реставрационную группу! То, что такой мастер, как вы, добровольно запер себя в этой глуши — огромная потеря для нашего дела. Находки уникальны, и, положив руку на сердце, я не знаю никого другого, кто справился бы с этой задачей лучше вас!

Старейшина Чжу лишь усмехнулся в усы.

— Мало ли что у тебя на уме, Юньяо. Толку-то от твоих желаний?

Он не торопясь взял трубку, раскурил её и, выпустив облачко ароматного дыма, спокойно продолжил:

— Вот увидишь, очень скоро тебе позвонят из Всекитайской ассоциации и сообщат, что к вам уже выслали столичных специалистов. Вот когда наберёшься смелости и сможешь оспорить решение начальства из центра — тогда и приходи.

Тан Юньяо встревожился.

И словно в подтверждение этих слов, в его кармане требовательно зазвонил мобильный телефон.

Старейшина Чжу окинул его насмешливым, всезнающим взглядом.

Тан Юньяо, всё ещё надеясь на чудо, сухо извинился и вышел на улицу, чтобы принять вызов.

Фу Чжэнтянь без труда догадался, о чём пойдёт речь, но эта возня его мало заботила. Тонкости археологии и музейных дразг были бесконечно далеки от его интересов, чтобы принимать их близко к сердцу. Куда сильнее его занимало то, как Нин Сянлан то и дело прятал за спину правую ладонь.

Подойдя ближе, Чжэнтянь бесцеремонно перехватил руку мальчика и разжал его пальцы. На ладони красовалась свежая отметина.

— Схлопотал уже? — с лёгкой усмешкой спросил он.

Нин Сянлан онемел от такой наглости.

«Он издевается? Ему что, смешно?!» — мысленно взвыл Сянлан.

К несчастью, чуткий Фу Мянью уловил суть разговора и тут же подскочил к ним, распахнув от удивления глаза:

— Сяо Лан, тебя побили?!

Юноша вопил так громко, что на них мгновенно обернулись все присутствующие в лавке.

Нин Сянлан мысленно прикрыл лицо рукой.

«Господи, за что мне это? Я в прошлой жизни задолжал этому семейству мешок золота, не иначе!»

Тем временем в лавку вернулся Тан Юньяо. Он был чернее тучи.

— Старейшина Чжу, вы оказались правы, — глухо произнёс он. — Это звонили из министерства, из главного управления ассоциации.

Старый мастер лишь безучастно кивнул, словно ничего другого и не ждал.

Но тут Тан Юньяо выпрямился и твёрдо посмотрел ему в глаза:

— И я ответил им категорическим отказом.

Старейшина Чжу застыл с трубкой у рта.

— В делах Северо-Западного музея моё слово по-прежнему остаётся решающим! — с вызовом произнёс Тан Юньяо. — С какой стати мы должны отдавать столичным выскочкам наши сокровища, едва они у нас появляются? Старейшина Чжу, вы ведь сами знаете, как всегда обделяли наш регион. Нашу историю, нашу культуру, наши традиции вечно задвигают на задний план, не желая признавать их самобытность. Я на старости лет вцепился зубами в кресло руководителя местной ассоциации только ради одного — чтобы голос Северо-Запада наконец услышали! И сколько бы на меня ни давили сверху, я скажу одно: кроме вас, эту работу доверить некому. Вы правы, древности пролежали в земле сотни лет. Потерпят ещё неделю, месяц, да хоть год! Но я добьюсь своего. Я буду ждать вашего согласия столько, сколько потребуется.

Для старейшины Чжу эти слова попали в самую болезненную рану. Его покойная мать была родом из этих северо-западных земель, и после замужества ей пришлось натерпеться немало горя от высокомерной родни мужа. То, что он родился с шестым пальцем на руке, само по себе не было трагедией, но соседи и родственники годами травили и высмеивали его. А всё почему? Да просто потому, что презирали и его самого, и его мать-чужачку!

При воспоминании о матери, которая угасла от тоски и обид, старому мастеру стало больно. Он долго молчал, глядя куда-то сквозь Тан Юньяо.

Наконец старейшина Чжу тяжело вздохнул и кивнул:

— Ладно. Твоя взяла. Я согласен, но выехать смогу только на следующей неделе.

Тан Юньяо просиял от счастья:

— Вот и славно! Тогда я немедленно возвращаюсь в музей, нужно всё подготовить к вашему приезду!

Он на радостях наскоро попрощался с Нин Аньго и Фу Чжэнтянем и буквально вылетел из лавки.

Нин Сянлан, глядя ему вслед, невольно вспомнил, как в его прошлой жизни многие отзывались об этом человеке: «Старик Тан — вечный ребёнок с седой головой».

Обычно с возрастом люди черствеют, теряя юношеский пыл и искренность, но Тан Юньяо до последних дней оставался исключением. До самого перерождения Сянлана старик мёртвой хваткой держался за свой пост. И вовсе не ради власти или денег — он отчаянно стремился по крупицам восстановить подлинную историю Северо-Запада и открыть миру величие своей родины.

Многие коллеги за глаза посмеивались над ним, называя неисправимым мечтателем. Но упрямство Тан Юньяо приносило плоды. К тому же у него были отличные связи, верные друзья в министерстве и безупречная репутация профессионала, так что недоброжелатели, как ни старались, не могли найти повод сместить его с должности.

Сянлан всегда глубоко уважал Тан Юньяо, и то, что упрямый старейшина Чжу согласился помочь, искренне его порадовало. Мгновенно забыв о недавнем конфузе со своей побитой ладонью, мальчик подбежал к мастеру:

— Дедушка Чжу, так вы правда поедете в Северо-Западный музей?

Старейшина Чжу искоса зыркнул на него:

— А сам как думаешь? Уши ведь погрел уже. А насчёт того, чтобы взять тебя с собой... там видно будет. Ближе к делу решим.

Сянлан послушно закивал головой.

— Ну всё, ступайте отсюда, не мешайте работать, — проворчал старейшина Чжу, выставя гостей за дверь.

Нин Сянлан, хитро прищурившись, тут же метнулся в угол к Немому. Вцепившись в его крепкое предплечье, он приподнялся на цыпочки и принялся что-то заговорщически шептать ему на ухо.

Немой, который из-за своего недуга привык держать дистанцию с людьми, поначалу растерялся от такой детской непосредственности. Но мальчик общался с ним так легко и открыто, совершенно не дичась, что угрюмый великан невольно оттаял. Когда Сянлан шёпотом попросил его сразу же сообщить, как только старейшина Чжу вернётся из поездки, Немой согласно закивал и приложил руку к груди — обещал не подвести.

Сянлан так и засиял.

Немой быстро задвигал пальцами, спрашивая: «Я видел, как ты без труда подсказывал Тан Юньяо жестами. Откуда ты знаешь наш язык?»

Мальчик ничуть не смутился и так же ловко ответил ему на дактиле: «Так по телевизору в

новостях всегда в углу сидит сурдопереводчик! Я просто смотрел и повторял».

Немой широко улыбнулся и показал Сянлану большой палец.

Мальчик озорно прищурился и в ответ выставил свой крохотный пальчик, легонько стукнув им по огромному пальцу великана.

Когда Нин Аньго увёл ребят, старейшина Чжу повернулся к помощнику:

— Гляжу, тебе пришёлся по душе этот малец?

Немой кивнул и быстро задвигал руками: «Он очень смышлёный и живой. Сразу видно — добрая душа».

— Редко ты к кому-то так тянешься, — задумчиво протянул старик. — Что ж, пусть заглядывает к нам почаще.

Немой смущённо поскрёб затылок, а затем лукаво глянул на хозяина и быстро спросил жестами: «Но ведь он и вам нравится, верно?»

Старейшина Чжу поперхнулся дымом, недовольно зыркнул на него и молча уселся в кресло, делая вид, что полностью поглощён своей трубкой.

Тот лишь беззвучно рассмеялся и вернулся к прерванной работе.

Нин Аньго торопился на завод, а потому, строго наказав сыну как следует принять гостей — Фу Чжэнтяня и Фу Мяня, — поспешил обратно на работу.

Стоило отцу скрыться из виду, как Сяо Мянь, не отличавшийся особой деликатностью, снова завёл старую песню:

— Сяо Лан, ну так за что тебе прилетело-то? Расскажи!

Фу Чжэнтянь тоже выжидающе уставился на друга.

Оказавшись под перекрёстным огнём двух любопытных взглядов, Сянлан понял, что отвертеться не удастся, и нехотя выложил всё как есть.

Когда он увлечённо описывал филигранное мастерство старейшины Чжу, державшего резец с невероятной точностью, Фу Мянь мечтательно вздохнул:

— Эх, как бы и мне хотелось на это взглянуть хоть разок!

— Тоже соскучился по хорошей трёпке? — ледяным тоном осведомился Фу Чжэнтянь.

Фу Мянъ подавился воздухом и замолчал.

Нин Сянлан лишь обречённо вздохнул. С этим парнем спорить было себе дороже.

Удовлетворённый воцарившимся молчанием, Фу Чжэнтянь повернулся к Сянлану:

— Скоро начало учебного года. Ты уже думал, чем займёшься?

— В каком смысле? — не понял тот.

— Во втором полугодии первого класса начнутся факультативы по выбору. На какое направление думаешь записаться?

Сянлан растерянно моргнул.

Честно говоря, о таких вещах он даже не задумывался — слишком уж незначительными они казались взрослому человеку в теле ребёнка.

Однако вопрос Чжэнтяня всколыхнул в его памяти важную деталь. Как раз на их параллели обкатывали масштабную образовательную реформу, в рамках которой для младшеклассников ввели обязательные кружки по интересам.

Впрочем, «кружками» это называлось лишь номинально. На деле школьные уроки никто не отменял, а занятия проходили во внеурочное время на базе аккредитованных учебных центров при различных профессиональных ассоциациях. В конце каждого полугодия ученик должен был предоставить ведомость об успеваемости и прохождении практики. Эти данные шли в личное дело, а при переходе в среднюю школу на их основе начислялись дополнительные баллы, определявшие, в какое специализированное заведение попадёт ребёнок.

Поскольку весь процесс контролировался солидными ведомствами, преподавание там велось на высшем уровне. Если у ребёнка обнаруживался настоящий талант и рвение, обучение становилось полностью бесплатным, а самого ученика брали под крыло как перспективного кадра. Многие одарённые дети получали от ассоциаций персональные стипендии, покрывавшие все расходы вплоть до окончания университета.

Для самих ассоциаций это был идеальный способ ковать кадры со школьной скамьи и обеспечивать приток свежей крови.

Пока Сянлан копался в воспоминаниях, Чжэнтянь, не любящий ходить вокруг да около, озвучил своё предложение:

— К нам на дом приходят лучшие репетиторы по пяти основным направлениям: музыка, литература, экономика, точные науки и спорт. Если хочешь, давай заниматься вместе у нас. Лишним точно не будет.

— Да-да, Сяо Лан, соглашайся! Вместе веселее! — тут же подхватил Фу Мянью.

Сянлан только покачал головой.

Репетиторы для таких факультативов были птицами высокого полёта. Чтобы выданный частным преподавателем сертификат приняла школа, сам наставник должен был обладать авторитетом и лицензией, превосходящими по весу целый учебный центр!

Найти и нанять хотя бы одного такого специалиста — задача из разряда невыполнимых для простой семьи. А Фу Чжэнтянь умудрился выписать себе целый штат!

Что тут скажешь? Родиться в семье Фу — это автоматический выигрыш в жизненной лотерее. Против такой бездонной казны и колоссального влияния любые козыри бессильны. Тут даже завидовать глупо — масштаб не тот.

Попользоваться благами богатого дома, конечно, заманчиво, но Сянлан не хотел превращаться в нахлебника и полностью зависеть от благодетелей.

— В первом классе нагрузка небольшая, — рассудительно произнёс он. — Думаю, мне хватит и трёх вечеров в неделю.

— Тогда остановимся на гуманитарном цикле, экономике и точных науках, — тут же распланировал Фу Чжэнтянь. — Занятия по этим предметам как раз стоят по понедельникам, средам и пятницам. Будешь приходить через день, это удобно.

— Идёт, — кивнул Сянлан. — Сам я только за, но надо спросить у родителей. Всё-таки это их решение.

Чжэнтянь протянул руку и ласково взъерошил его мягкие волосы:

— Я пойду с тобой и сам всё объясню дяде и тёте.

— Ладно... — растерянно протянул Сянлан.

Хоть Чжэнтянь и старался казаться невозмутимым, его настойчивость говорила об обратном. Мальчик явно торопился закрепить уговор. С чего бы вдруг такая спешка? Уж не задумал ли этот юный манипулятор какую-то хитрую многоходовку, о которой Сянлан даже не догадывается?

В душе заскреблись смутные сомнения. Кажется, его только что самым наглým образом затащили на чужой пиратский корабль.

<http://bllate.org/book/20435/2149327>